

УДК 94(4) + 94(47)

**«ЭТА ОГРОМНАЯ ТЕРРИТОРИЯ ЗАСЕЛЕНА АБСОЛЮТНО ЧУЖДЫМ НАМ
НАРОДОМ»: ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ XIX ВЕКА О РОССИИ***Рецензия на книгу:***РУССКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ И МЫСЛИ. АНТОЛОГИЯ***/ Под ред. Ю.А. ШУТОВА, А.А. ШИРИНЯНЦА.***М.: Издательство Московского университета, 2013. 624 с.**

© 2014 г.

А.А. Фоменков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

artjom2310@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.12.2014

Анализируются тексты, вошедшие в антологию «Русский вопрос в истории политики и мысли», подготовленную сотрудниками факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова и демонстрирующую стереотипный характер русофобских убеждений среди европейских интеллектуалов XIX столетия.

Ключевые слова: политическая мысль, образы другого, европейцы, русский вопрос.

Опубликованная сотрудниками факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова антология текстов являет собой попытку комплексной репрезентации тех стереотипных представлений о России и русском народе, которые тиражировались либо конструировались в XIX в. с легкой руки европейских интеллектуалов и политиков. Авторский коллектив под руководством А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца не только представил качественную подборку текстов (переводы некоторых вводятся в оборот впервые), но и снабдил её надлежащими комментариями, которые, заметим, отнюдь не утяжеляют текст антологии.

Нельзя не отметить, что в рецензируемом издании достаточно расплывчато определен т. н. «русский вопрос». Лишь по контексту вводной статьи [1, с. 5–58] читатель сможет понять, что речь идет о культурной дискредитации России в политико-идеологическом пространстве Европы. В России же со времен СССР под «русским вопросом» понимается неравноправное положение «титального» русского народа в многонациональном государстве.

Выбор авторов XIX столетия, фрагменты работ которых представлены в рецензируемом сборнике, не может быть охарактеризован иначе, чем положительно: среди них — либо политические деятели, писавшие для более-менее широкой аудитории (или же специально для лиц, принимающих важные государственные решения), либо «подлинные творцы» европейского общественного мнения. Ни одного текста, пусть даже интересного и блестяще исполненного, но написанного «в стол», — а потому и не имевшего шансов для влияния на умы совре-

менников, — на страницах данной антологии нет. Кроме того, необходимо особо отметить тот факт, что составители постарались охватить публикации, соотносимые с самыми разными группами политического спектра — от крайне правых (например, англичанина Дэвида Уркхарта) до не нуждающихся в особом представлении К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно столь широкая «выборка» позволяет сегодня делать вывод о наличии в XIX веке своеобразного общеевропейского консенсуса относительно России и русского народа.

Наиболее нетерпимо по отношению к России и русским относились в прошлом этнические поляки, что наглядно доказывают приведенные в антологии тексты Ф. Духиньского и Ю. Пилсудского. Типично польские суждения таковы: «мораль народа московского, а именно представления о правах человека всегда были, есть и будут хуже развиты, чем такие же представления у поляков» [1, с. 503]. Естественно также, что «народы, воспитанные так, как московский, под влиянием степи, не знают, не чувствуют всех этих движений души (чуть выше автор говорил о привязанности поляков к земле, любви к земледелию и к «земельной собственности». — А. Ф.) или знают в их среде одни лишь ученые, но и они не чувствуют их и не имеют для них сочувствия» [1, с. 503]. Из представленных в антологии фрагментов следует, что у поляков есть и свои города с богатой историей, и горожане как социальная группа (чётко осознающая свои права и интересы), и даже пролетариат как порождение городской жизни, — у русских же ничего этого нет и в помине, имеется одно лишь забитое крестьянство, не обла-

дающее никакими правами и отнюдь не стремящееся к их получению [1, с. 519–520].

Впрочем, едва ли более добры были по отношению к России и некоторые французские авторы. В полной мере этот тезис подтверждают не только маркиз де Кюстин, аттестуемый часто как «классик русофобии» (кстати, его ложь зачастую очень легко опровергается!), но также Ж. Мишле и Э. Кёрдеруа. Первому из них принадлежат, в частности, следующие пассажи, не оставляющие сомнений в его истинном отношении к России: «крестьяне, легкомысленные и непредусмотрительные, едва ли способны измениться в лучшую сторону» [1, с. 289]; «собственность крестьянам отвратительна» [1, с. 291]; «русский коммунизм – вовсе не общественное установление, это естественное условие существования, объясняемое особенностями расы и климата, человека и природы» [1, с. 292]; «правительство это состоит из самых лживых людей, какие только встречаются в империи лжи» [1, с. 295]; «в России все, от мала до велика, обманывают и лгут: эта страна – фантазматическая, мираж, империя иллюзий» [1, с. 294].

Видный анархист Э. Кёрдеруа высказывает, среди прочего, так: «сила, на которую опирается Россия, есть сила воинственная и завоевательная, слепая, глухая и немая, разрушительная, презирающая честь как пустую условность, кровожадная и более беспощадная, нежели все сентябрьские и декабрьские убийцы во Франции» [1, с. 314]; «русская сила не считается ни с какими потерями, ни с какими бедствиями; она беспрестанно возрождается в лоне нации, которая может и хочет до бесконечности поставлять новых солдат и новые боеприпасы, в отличие от Франции, которая этого не может и не хочет» [1, с. 314]; «...славяне стоят ближе... к равенству и свободе, потому что они равны в рабстве...» [1, с. 317].

Отметим особо включение в антологию опуса Гюстава Доре «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси» [1, с. 327–356]. Оно кажется нам более чем оправданным, хотя, разумеется, этот текст несколько выбивается из общего ряда произведений, представленных в сборнике. В самом деле, сочинение Доре не претендовало ни на статус интеллектуального, ни на возможность быть использованным органами государственной власти. Тем не менее оно позволяет в полной мере судить об отношении к России, имевшем место в середине XIX столетия во французском обществе. Ирония, буквально запленившая работу французского художника (ведь в первую очередь Доре был именно художником!), куда как лучше сухих аналитических отчетов демонстрирует, что автор не рассматривал Россию

в качестве страны с великой историей и культурой. Во всяком случае, вряд ли возможно, чтобы применительно к прошлому великой державы писали бы о том, что первый русский появился в результате порочной связи медведя Полнора и моржихи (другой вариант – самки пингвина) [1, с. 327]. Ещё один характерный, по нашему мнению, пассаж в работе Г. Доре касается знаменитой «Русской правды»: автор указывает, что «...разумный правитель (т.е. Ярослав Мудрый. – А. Ф.) определил цену каждого изувеченного члена тела, каждого пострадавшего органа. И это привело к тому, что всякий бедняк, дабы сколотить себе небольшое состояние, стал прибегать к услугам богача, разрешая тому беспрепятственно его, бедняка, калечить» [1, с. 333]. Высказывания Доре вроде «Нестор уронил на пергамент кляксу. И это... объясняет нам, почему в данном отрезке русской истории так много неясного» [1, с. 337], «полнота власти, доходящая порой до безумия, так вскружила Ивану голову, что с неё стала сваливаться корона» [1, с. 339], «однако желание утереть “лягушатникам” носы было настолько острым...» [1, с. 342] и т.п. в особых комментариях не нуждаются.

Британские авторы XIX века в целом писали о России менее бойко и образно, однако и интеллектуалы с «туманного Альбиона» отнюдь не питали к русским добрых чувств. Так, вполне типичным можно признать мнение генерала Джорджа Эванса: «От процветания Франции и Англии, от неприкосновенности их независимости, несомненно, зависят интересы цивилизации, а также свободных и здоровых учреждений во всех уголках старого света. И если какой-либо ущерб будет нанесён силе или будущей безопасности этих двух государств посредством передачи значительной территории из-под власти жестокой тирании в руки более мягкой, но в то же время несравненно более могущественной деспотии, тогда лекарство окажется хуже самой болезни – мы поставим под угрозу всё ради облегчения положения части» [1, с. 100].

В целом, и среди европейских элит, и в массовом общественном сознании были крайне востребованы представления о России как неевропейском государстве и о русских как неевропейском народе. Нет сомнений в том, что такой обобщенный образ наличествовал среди европейцев и до XIX века (благо удалённость России и трудности с получением правдивых знаний объективно способствовали этому), однако именно в позапрошлом столетии появилась необходимость в окончательном закреплении данного стереотипа в умах жителей Старого Света. Это объясняется и ростом уровня грамотности

(увеличение тиража популярных печатных изданий), и усилением политической активности масс (в том числе и за счет обретения пролетариатом политической субъектности), и укреплением позиций России в Европе после Венского конгресса. Заметим попутно, что помещение в антологию текстов Маркса и Энгельса, на наш взгляд, должно оживить внимание к текстам историка-эмигранта Н.И. Ульянова («Замолчанный Маркс» и др.), опубликованным в России на рубеже XX–XXI вв. в малодоступных изданиях.

Рецензируемая антология, безусловно, будет интересна всем, кто интересуется вопросами конструирования «образа *Иного*», а также более частной проблематикой формирования за рубежом негативного «имиджа» России. Особую ценность данная антология имеет для студентов-гуманитариев, поскольку содержит в себе ранее не переводившиеся на русский язык источники. Их обсуждение в ходе учебного процесса позволит познакомить учащихся с важными теоретическими и прикладными проблемами, коррелирующими с топикой исторической самоидентификации.

Хорошо известно, что на вопрос о формировании историко-культурной идентичности (самобытности) невозможно ответить без его соотнесения с дихотомией *свой/чужой*. Европейские культуры давно «узнавали себя» через соизмерение с Россией, и процесс дистанцирования от России начался отнюдь не в XIX в. «Перемещение» России из Европы в Азию, за Рифейские (Уральские) горы произошло гораздо раньше — еще в XVI в., в ходе Ливонской войны (как это показано, например, современным историком А.И. Филюшкиным [2, с. 302–314, 410–481]). Такая смена локусов в польской интеллектуальной среде сопровождалась и выставлением негативных оценок России, которые не были достоянием исключительно польской

культуры. В ходе развернувшейся во второй половине XVI в. пропагандистской войны они вошли в политико-географический дискурс интеллектуалов Западной Европы. Думается, что это наследие «раннего Нового времени» и имело своим результатом многочисленные публикации польских, немецких и французских авторов XIX в. Британское же отрицание России имеет более специфичные истоки.

Одним из наиболее спорных ходов, сделанных составителями антологии, выглядит, по нашему мнению, отнесение к русофобской традиции Гюстава Доре. Важно понимать, что его текст представлял собой литературный бриколаж, включавший распространенные в Европе штампы и клише, авторские фантазии и сатирические нападки на российскую историографию. Заметим, что в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина подобные приемы выражены более талантливо и объемно, однако называть его русофобом вряд ли уместно: примерно так же могло бы выглядеть и причисление к разряду «еврофобов» отечественных авторов «Всеобщей истории, обработанной “Сатириконом”» (большинство из них, как известно, эмигрировало в Европу), автора «Голубой книги» М.М. Зощенко. Обозначенный проблемный узел свидетельствует о том, что рецензируемое издание будет востребовано для постановки новых научных вопросов в среде начинающих исследователей.

Список литературы

1. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / Под ред. Ю.А. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. 624 с.
2. Филюшкин А.И. Изобретая войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

«THIS VAST TERRITORY IS INHABITED BY PEOPLE ABSOLUTELY ALIEN TO US»: EUROPEAN INTELLECTUALS OF THE 19TH CENTURY ABOUT RUSSIA

Review on: The Russian Question in the History of Politics and Thought. Anthology / Ed. by Yu.A. Shutov, A.A. Shirinyants. Moscow: Moscow State University, 2013. 624 p.

A.A. Fomenkov

The author analyzes the texts included in the anthology «The Russian Question in the History of Politics and Thought» (Moscow, 2013), which helps to recognize some stereotypical features in European intellectuals' view on Russia during the 19th century.

Keywords: political thought, images of the Other, Europeans, Russia.

References

1. Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya / Pod red. Yu.A. Shutova, A.A. Shirinyanca. M.: Izdatel'stvo

Moskovskogo universiteta, 2013. 624 s.

2. Filyushkin A.I. Izobretaya vojnu Rossii i Evropu: Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013. 880 s.